

БОГАТЫРСТВО И РЫЦАРСТВО КАК ПОЛЯРНЫЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

*Работа представлена кафедрой социальной антропологии, культурологии и философии
Читинского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. В. Путилов

В статье проводится сравнительный анализ двух «осевых» образов, характерных для русской и западной культур и менталитета, – образов богатыря и рыцаря соответственно. Выявляются причины появления данных образов в русском и западном самосознании и факторы их становления. Анализируются разные установки «богатыря» и «рыцаря» по отношению к миру, женщине, духовности, силе, жертвенности, смерти.

The article presents a comparative analysis of the two axial images – a «bogatyr» (a Russian epic hero) and a «knight», which are typical respectively for Russian and western cultures. The article reveals the reasons for their origin and factors of development. The author analyses attitudes of a «bogatyr» and a «knight» towards different notions such as the world, woman and others.

Бинарная оппозиция «Восток – Запад» не теряет своей актуальности уже множество столетий. Она, начиная с эпохи возникновения концепции «Москва – Третий Рим», когда Русь взяла на себя функцию блюстительницы ортодоксального христианства, обрела более конкретную форму «Русь – Запад». В процессах самоидентификации Руси и России Запад издавна был и до сих пор остается тем «Другим» («Чужим»), соотнесенность с которым создавала и создает основы для обретения и оформления собственной идентичности. Именно этим прежде всего можно объяс-

нить неиссякаемый интерес к Западу и актуальность исследований различных его реалий в соотнесенности, разумеется, с реалиями русскими, российскими. В данной работе мы хотели рассмотреть важнейшие ключевые ценности самосознания и традиционной культуры России и Запада на примере их «осевых» носителей – богатыря и рыцаря.

Известно, что любое общество, выработав собственные мировоззренческие основы, стремится выразить их в слове, в определенных образах. При этом ни один образ, ни одна мысль не являются случайнос-

тью. Каждый из них несет в себе определенный момент мировоззренческого опыта народа-создателя. Важную роль в аккумуляции и трансляции этого опыта играют так называемые «осевые» образы, т. е. образы, вобравшие в себя важнейшие, ключевые ценности народного самосознания и традиционной культуры и проходящие, лишь незначительно изменяясь и модернизируясь, через опыт всех последующих поколений. Из изначально типично фольклорных, а позже литературных и художественных образов они постепенно становятся концентрированными мировоззренческими носителями.

Для русского самосознания и мировоззрения одним из главных «осевых» образов стал образ богатыря. В нем запечатлелось «выражение заветного жизненного чувства и верования русского народа»¹. Данный образ не был стихийным явлением национального самосознания – он был сформирован на базе тех духовных идеалов, которыми жил русский народ.

Как известно, высшей ценностью для русского как православного человека всегда был триединый Бог. Божественная Троица являла собой основополагающий догмат православия, который выступил основой соборности и, в свою очередь, важным фактором в формировании русской нации. Троичность прочно вошла в русскую культуру, отразившись в сказках, былинах, карнавальных элементах (подобно пристрастию русского человека к катаниям на тройках) и т. п.

Богатырство как национальное самовыражение в культуре также не могло не отразить в себе идею тринитарности, явив собой идеал единства всех сословий русского государства. На это указывает В. Беляев: «Россия никогда не была кастовой, три былинных богатыря – Добрыня, Илья и Алеша – уже в древности символизировали объединение русских сословий в одну национальную общность»².

Но почему именно образ богатыря становится олицетворением России, выразите-

лем нации? На наш взгляд, сразу целый ряд причин и факторов сыграли особую роль в появлении данного образа в национальном самосознании и его становлении.

Во-первых, ощущение сыновнего долга перед землей-матерью, одухотворенной образом Богоматери. Материнство, которое отождествилось с образом земли, издавна и прочно укоренилось в сознании русского человека. Это в свое время верно подметил Н. А. Бердяев: «Очень сильна в русском сознании религия земли, это заложено в очень глубоком слое русской души. Земля – последняя заступница. Основная категория – материнство. Богородица идет впереди Троицы и почти отождествляется с Троицей»³.

Во-вторых, Россия своим существованием была всегда обязана воинам, вынужденным постоянно вести оборонительные войны, значительная часть которых, как явствует история, носила религиозный характер. Спокойных периодов существования русская история знала мало. И. Л. Солоневич писал: «В мире меняется не так уж много: в конце первого тысячелетия после Рождества Христова – русский народ боролся против печенегов Азии, как в конце второго – против печенегов Европы, – и оба этих печенежских варианта ставили себе одни и те же цели: одни без Гегеля, другие с Гегелем, но все-таки одни и те же цели... Наши войны, по крайней мере большие войны, всегда имели характер химически чистой обороны»⁴. Вследствие этого богатырь становится в русской культуре прежде всего духовной категорией: на нем лежит религиозная миссия – сохранение «Дома Пресвятой Богородицы», т. е. Святой Руси.

Еще одна, третья причина, коренится, на наш взгляд, прежде всего в многовековой ориентации и устремленности русского сознания к «богоизбранному» Царьграду как олицетворению «Небесного Иерусалима». С. В. Перевезенцев в связи с этим замечает: «Начиная с первой половины 16-го столетия, символические «идеалы – образы»...

«Новый Киев», «Новый Царьград», «Новый град Константина», наконец, «Третий Рим» - все это ступени, по которым русское религиозно-философское сознание приближалось к главным «идеалам – образам», напрямую связанным с идеей богоизбранности, «Новый Израиль» и «Новый Иерусалим»⁵. Благодаря данной причине происходит процесс переноса образа богатыря из фольклора (былин и песен) в иконопись, начало которому было положено созданием еще в 1550-е гг. иконы «Благословенно воинство Небесного Царя», или «Церковь воинствующая», явившейся символическим изображением предназначения России на Земле, смысла ее земного существования – «устроение Царствия Небесного, спасение и вечная жизнь в Небесном Иерусалиме»⁶. В композиции иконы представлены виднейшие князья-оборонители – Александр Невский, Дмитрий Донской со своим небесным покровителем Дмитрием Солунским. Отметим, что икона, написанная во времена взятия Казани, которая в русской философской мысли нередко отождествлялась с Царьградом, знаменовала собой начало миссии России как защитницы православия.

Оппонентом богатыря на исторической арене выступил рыцарь. Эти два культурологических явления схожи лишь внешне: это два воина, призванные к жизни исторической необходимостью. Однако на этом схожесть их практически заканчивается. Сущностно они представляют двух «осевых» антиподов, олицетворяющих собой разнонаправленные ориентации и установки соответственно восточной и западной культур. Как отмечал в «Русской идее» Бердяев, «рыцарство не развилось на духовной почве православия. В мученичестве св. Бориса и св. Глеба нет героизма, преобладает идея жертвы»⁷.

Рыцарство и богатырство – два оппозиционных мировоззренческих пути. И богатырь, и рыцарь – странники, но пути их разные, так как у них кардинально разные онтологические траектории: первый стремится к Царствию Небесному через покая-

ние, второй обустроивает земной рай через гордыню. Соответственно, и нравственные основы их поведения противоположны. К такому выводу невольно приходишь при анализе образов конкретных богатырей и рыцарей, представленных в эпосах русского и западных (прежде всего германского) народов.

Н. С. Дурылин, анализируя образ Ильи Муромца, замечает: «Этот могучий воин беззлобен, как дитя... Ни о ратных подвигах, ни о какой славе он и не мечтает; ему не нужно золота и добычи, он не хочет завоевывать ничьих стран. Он – только великий защитник родной земли»⁸. Во многом схож с ним и самый сильный среди всех русских богатырей Микула Селянинович, богатырь-пахарь, не проливший ни капли ничьей крови. «Таков русский народный идеал, глубоко и искренно христианский идеал – в противоположность языческому германскому»⁹, – Н. С. заключает Дурылин.

Культ германского сознания – культ грубой силы, которую сформулировал в свое время Бисмарк: «Сила есть право». Данный культ ярко и рельефно отразился уже во «всегерманской эпопее» «Песнь о Нибелунгах», герои которого – люди, промышляющие войной. На протяжении всего произведения совершаются убийства, предательства, господствуют зависть и истребление друг друга. Здесь гибнут не в честном бою за родину, за защиту своих полей и сел, детей и жен, а в каких-то бесцельных и мелких феодальных войнах и стычках.

По мнению Н. Бердяева, Россия и Германия – две разные психологические личности: первая – женская, вторая – мужская. Россия ожидает мужское начало извне, так как сама не может оформиться как личность.

В отличие от Бердяева, делавшего акцент на неспособности России оформить себя, известный отечественный исследователь В. Кожин указывал, что русские, в отличие от других национальностей, случайно обозначены именем прилагательным, что указывает на них как на «сверх-

нацию», способную «прилагать» себя к любым другим народам Евразии, мирно уживаться с ними и вести их за собой. Поэтому нет ничего неестественного в сочетании «русский еврей» или «русский татарин»: русский «не умещается в этнических рамках и предстает как цементирующая основа огромного субконтинента Евразии»¹⁰. Отсюда не Россия, а Россия оформляет народы, которые вступают в диалог с ней как личностью. Она является всеопределяющим бытийным феноменом для других народов в историческом контексте, так как изначально складывалась с психологией богатыря-оборонителя.

На наш взгляд, оба полюса – и «богатырь» (Россия), и «рыцарь» (Германия как олицетворение Запада) – это два мужских начала, имеющих разное отношение к женскому началу. У «рыцаря» оно носит эротический характер. Культ прекрасной дамы, земной мадонны, которая имела ассоциативный корень – Богородица, был земным воплощением женщины, отчетливо не духовным. Западные художники воплощали на картинах не одухотворенный образ, а любимую женщину, равно как Дон Кихот и Д`Артаньян устремлены к земной мадонне.

У «богатыря» по отношению к женскому началу совершенно иное мировоззрение. Он прежде всего сын земли, Родины (отсюда «земля-матушка», «Родина-мать»). Для «богатыря» женщина – Богородица, Царица Небесная, а сам «богатырь» призван оборонять ее «Дом», Святую Русь.

Отсюда различные установки в отношении к женскому, слабому началу у «богатыря» и у «рыцаря». У «богатыря» она пронизана духовностью, что сопряжено с постом, покаянием, молитвой, отрицанием земных удобств – со всем, что является средством достижения Царства Небесного. У «рыцаря» установка плотская, что влечет за собой страсть, стремление к царству земному, к тому, что можно осязать, прочувствовать.

Подобные разнонаправленные установки оформили у «богатыря» и «рыцаря» раз-

ную психологию в отношении к жизнедающему началу (женщине): владеть (гордыня) – у «рыцаря» и защитить (покаяние, жертва собой) – у «богатыря».

В свою очередь, разные отношения к началу (женщине как истоку жизни) породили и разное их отношение к смерти, концу жизни. В. Кожин отмечал: «Подлинной основой героизма может быть девиз Александра Невского – «душу положить за друга своя», но не стремление, пусть даже самое «высокое», лишь к чести и славе как таковым»¹¹. Взятый из Евангелия, девиз А. Невского характеризует отношение «богатыря» (русского народа) к смерти. В войнах Россия, русские множество раз доказывали свою твердость в следовании этому девизу.

Отношение «рыцаря» к смерти кардинально иное. Цель его – достичь чести и славы в завоеваниях, овладеть царством земным. Этот путь привел Запад к позитивизму, к отрицанию и «смерти Бога». Душа на Западе заменяется сознанием. Отмена смерти приводит «рыцаря» к перманентному духовному умиранию; идет внутреннее гниение, иллюзорно компенсирующееся внешней помпезностью.

Различие мировоззренческих позиций у «богатыря» и у «рыцаря» видно уже при анализе их облачения, военной экипировки, отражающей психологический склад создавшей их среды. Закамуфлированность западного человека способствовала облачению своего воина в броню. В ней рыцарь недоступен, закован в свой микрокосм, выдвигает себя в центр всего. Последним в определенной мере объясняется европейский центризм относительно других культур. Богатырь же, напротив, открыт. Его легкие доспехи являются следствием установки на любовь и доверие любому своему оппоненту.

В целом вышеозначенные черты богатырства и рыцарства позволяют утверждать, что данные явления представляют собой культурологическое воплощение разных мировоззренческих позиций, мировидений. Рыцарь и богатырь являются но-

сителями разных культурных идей и потому не тождественны друг другу. Они почти не имеют точек соприкосновения, так как векторы их бытийных траекторий противоположно направлены. Вся история их

существования предстает в виде отдельных, не связанных друг с другом монологов в контексте мировой культуры, монологов, имеющих разнонаправленные цели, ценности и установки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Дурылин Н. С.* Русь прикровенная. М., 2000. С. 264.

² *Беляев В.* Русская государственность и национальное самосознание // Русская нация и государство. М., 2002. С. 309–310.

³ *Бердяев Н.* Русская идея. М, 2000. С. 12.

⁴ *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 151.

⁵ *Перевезенцев С.* Смысл русской истории. М., 2004. С. 244.

⁶ *Перевезенцев С.* Указ. соч. С. 246.

⁷ *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 11.

⁸ *Дурылин Н. С.* Указ. соч. С. 264.

⁹ *Дурылин Н. С.* Указ. соч. С. 265.

¹⁰ *Кожин В.* О евразийской концепции русского пути // О русском национальном сознании. М., 2004. С. 259.

¹¹ *Кожин В.* «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» Заметки о духовном своеобразии России // О русском национальном сознании. М., 2004. С. 164.